

**ТУРКМЕНСКИЕ И ХИВИНСКИЕ ДЕЛА НА ЗАСЕДАНИЯХ
АЗИАТСКОГО КОМИТЕТА (1820-е – 1840-е гг.)¹**

Аннотация. Статья построена на анализе документов Азиатского комитета – особого надведомственного органа, созданного в Российской империи для формирования восточного направления имперской политики и урегулирования отношений со странами юго-востока. Рассматриваются журналы и протоколы комитета, хранящиеся в Архиве внешней политики Российской империи МИД РФ. Их содержание убеждает, что Россию в Центральную Азию толкали, в первую очередь, вопросы безопасности и торговые. Геополитические же интересы воспринимались как производные от первых двух.

Ключевые слова: Российская империя, Центральная Азия, Азиатский комитет, Хива, туркмены, Иран, внешняя торговля

Азиатский комитет был межведомственным органом, который был создан для координации действий различных центральных ведомств на юго-восточном направлении, т. е. Оренбургском крае, Казахской степи, Хиве и Бухаре.

29 мая 1819 г. в Комитете министров была заслушана записка управляющего Министерством иностранных дел (МИД) К.В. Нессельроде о передаче на его рассмотрение по высочайшей воле нескольких взаимосвязанных вопросов: о действиях хивинского хана, о разграблении каравана и о разрешении бухарскому посланнику прибыть в Петербург. Камнем преткновения стала проблема «усмирения» степи, которую оренбургские губернаторы предпочитали решать путем отправления карательных экспедиций, последствия которых правительство признавало вредными как для состояния торговли, так и для внутреннего состояния казахов. Более того, в ноябре 1818 г. Комитет прямо запретил отправлять в степь воинские отряды. На этот раз он вновь подтвердил незыблемость своей позиции, а вопросы организации торговли в регионе и обеспечения безопасности караванов положил передать на рассмотрение особого комитета из министров иностранных дел, финансов и военного, «...который бы, вникнув в настоящее положение дел тамошнего края и сообразуя все бывшие прежде о нем предположения, представил виды к принятию мер, сообразных с государственной пользой...». 3 июля положение Комитета министров получило высочайшее утверждение².

Из записки К.В. Нессельроде от 1825 г. следует, что вышеназванный особый комитет должен был работать под эгидой МИДа. А формирование Комитета по азиатским делам как межведомственного органа следует отнести к 1820 г., когда прибытие в российскую столицу хана Шергазы и оренбургского военного губернатора П.К. Эссена окончательно обозначило значимость, сложность и комплексность проблем и задач, стоявших перед империей на центральноазиатском направлении. 26 января 1820 г. император повелел: «Вместо прежнего Комитета, для всех вообще азиатских дел составить новый: из начальника Главного штаба и министров иностранных дел, финансов и внутренних дел». При этом управление делами комитета было возложено на директора

* **ВАСИЛЬЕВ Дмитрий Валентинович** — доктор исторических наук; доцент; Московский городской педагогический университет; кафедра отечественной истории; профессор; г. Москва, Россия; dvvasiliev@mail.ru.

** **ВАСИЛЬЕВ Сергей Дмитриевич** — Московский городской педагогический университет; кафедра отечественной истории; аспирант; visaramis@mail.ru.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00162), реализуемого в Институте языков и культур им. Льва Толстого.

² Архив внешней политики российской империи (АВПРИ). Ф. 161. СПб Гл. арх. I-1. Оп. 781. 1819–1828. Д. 488. Л. 2–3 об.

Азиатского департамента МИД. Новый Комитет азиатских дел (Азиатский комитет) провел первое свое заседание 8 февраля 1820 г.¹ На то, что датой основания Азиатского комитета следует считать именно 26 января 1820 г., прямо указывают более поздние документы Собственной е. и. в. канцелярии².

С 16 июля 1821 г. в заседаниях Азиатского комитета стали участвовать М.М. Сперанский и генерал от инфантерии А.П. Ермолов³. А с 22 августа 1827 г. комитет стал постоянно действующим органом. В это время он состоял из управляющих министерствами иностранных и внутренних дел, начальника Главного штаба, министра финансов, члена Государственного Совета М.М. Сперанского⁴.

На восьмом заседании Азиатского комитета 29 июня 1820 г. рассматривался вопрос «О вступлении в ближайшие сношения с тухменцами йомудского племени; об отправлении к ним хлеба и подарков, второй морской экспедиции к восточным берегам Каспийского моря»⁵. По высочайшему повелению в заседании участвовал министр иностранных дел России граф И. Каподистрия. Был рассмотрен предложенный командиром Отдельного Грузинского корпуса и управляющим гражданской частью на Кавказе и в Астраханской губернии генералом от инфантерии А.П. Ермоловым проект установления тесных связей с туркменскими племенами. Будучи персофобом, он вынашивал планы давления на Персию и в этом контексте считал необходимым укрепиться на ее северных границах.

Вскоре после смерти хивинского хана Мухаммад Рахим-хана I и восшествия на престол его сына Аллакули на заседании Азиатского комитета 5 августа 1825 г. были рассмотрены насущные вопросы российской дипломатии в центральноазиатском регионе. «Комитет рассуждал, что хотя перемена в главном правителе Хивы, вероятно, произведет некоторую перемену и в правилах поведения его с Россией, тем не менее, ...меры обуздания, прежде предполагаемые, и ныне представляются нужными, доколе новый хан не представит каких-либо положительных и верных знаков мирных его расположений». Поэтому участники совещания пришли к необходимости уже осенью провести разведку местности между Каспийским и Аральским морями для подготовки наиболее удобных путей в Хиву под видом «поиска на эмбенских разбойников». Одновременно с моря следовало исследовать залив Мертвый Култук и основать там небольшое укрепление, которое могло бы служить базой для сухопутного отряда. Объявив, что Россия не вынашивает никаких планов мести, было решено склонить нового хивинского хана к объяснению по факту последних происшествий, с целью предотвратить недружественные действия хивинского правительства. Дабы сделать хана более сговорчивым, комитет поручил оренбургскому губернатору принять у себя бежавшего из Хивы дядю Аллакули. Причем, во избежание возможного обострения отношений, комитет решил переложить ответственность за этот шаг на местные власти, предписав «...все сие сделать не от имени высшего правительства, а по собственным местного начальства распоряжениям. Чем скорее хивинский хан узнает, что изгнанный им дядя не равнодушен для России, тем более он признает нужным обратиться к ней с мирными расположениями». Прибывшего в Россию посланца бухарского эмира было решено принять в Петербурге для выяснения сути настоящих отношений между Бухарой и Хивой и для заверения эмира Насруллы в российском покровительстве. Понимая принципиальную важность центральноазиатского театра для империи, Азиатский комитет особо обратил особое внимание на то, что «приезд англичан в Бухарию иметь в виду как обстоятельство особенной важности и

¹ АВПРИ. Ф. 161. СПб Гл. арх. I-1. Оп. 781. 1819–1828. Д. 488. Л. 11–12 об.

² Там же. Л. 18.

³ Там же. Л. 6.

⁴ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. СПб., 1830. Т. 2. С. 727.

⁵ АВПРИ. Ф. 161. СПб Гл. арх. I-1. Оп. 781. 1819–1949. Д. 489. Л. 32, 33–37.

доказывающее необходимость ныне принимаемых мер к утверждению влияния России на дела Средней Азии»¹.

Утвержденные императором 8 августа 1825 г. эти решения, с одной стороны, явно демонстрируют два вектора тогдашней центральноазиатской политики России – намерение держать местные ханства под контролем вплоть до открытой агрессии, а также стремление противостоять укреплению в регионе Великобритании, а с другой, показывают отсутствие прямой связи между этими двумя тенденциями. Иными словами, политика Российской империи по упрочиванию своего влияния на Хиву и Бухару в это время не была непосредственно связана с британо-российским противостоянием.

Вопрос об отправлении против Хивы военной экспедиции был рассмотрен на заседаниях Азиатского комитета 17 марта и 6 июня 1826 г., были указаны необходимые меры для осуществления этого мероприятия². Однако последующие события отложили реализацию указанной идеи на некоторое время. В 1832 г. по инициативе оренбургского военного губернатора графа П.П. Сухтелена Азиатский комитет вновь вернулся к изучению вопроса об усмирении хивинских происков против российских интересов посредством военной экспедиции. Но так же, как и в 1826 г., из-за значительных трудностей и дороговизны столь удаленной экспедиции решил «...отложить всякое решение касательно Хивы, доколе его императорское величество не соизволит признать сие удобным»³.

В 1835 г. оренбургский военный губернатор В.А. Перовский поднял в правительстве вопрос о необходимости возвращения на родину русских пленных, удерживавшихся в Хиве и Бухаре. Рассмотрев этот вопрос на своем заседании в октябре 1835 г., Азиатский комитет нашел предложенную меру трудноисполнимой, которая не приведет к желаемой цели и указал, что «...сверх того, и это главное, ...оная может иметь самые вредные последствия и не только временно, но навсегда расстроить связи с народами Средней Азии. Торговля, которую они ведут с нами, сопряжена для них с величайшим риском и опасностями не столько от трудности пути по безводным и песчаным пустыням, сколько от вреда, причиняемого им разными хищными племенами, которые нападают на них и грабят их караваны; посему самое положение сей торговли уже требует, чтобы во всех делах, до оной касающихся, мы поступали с крайней осторожностью и избегали всяких распоряжений, которые сколько-нибудь могут показаться для них стеснительными»⁴.

В конце мая 1836 г. Азиатский комитет рассмотрел отзыв оренбургского военного губернатора на его журнал от 29 февраля. В нем антихивинская риторика В.А. Перовского приблизилась к апогею: «...безрассудное и ничтожное ханство Хивинское употребляет все силы, все средства свои ко вреду России...». Развивая эту мысль, он обратил внимание, что хивинцы продолжают грабить абсолютно все караваны либо прямо, либо посредством произвольного сбора, что они через своих мулл возбуждают казахов на антиправительственные действия и отгон скота от российских укреплений, подстрекают адаевцев и туркмен к захвату россиян на Каспии, поставили своего хана Каипа над империей казахов, привлекают кочевников на сторону Хивы в предстоящем ее походе против России. И лишь слабость ханства не дает ему возможность нанести непоправимого ущерба российским интересам. «Ничтожные, однако, покушения эти все-таки останавливают нашу торговлю: Бухара не в состоянии воспротивиться Хиве, перебивается как может; товары в непомерной цене, народ обнищал, а хан и любимцы его сыты и одеты. ...Азиатцы постоянно следуют своему правилу: позволять себе всякое самоуправство, грабеж, увоз людей, притеснения всякого рода в полной надежде на

¹ АВПРИ. Ф. 161. СПб Гл. арх. I-1. Оп. 781. 1819–1949. Д. 489. Л. 112–115 об.

² Там же. Д. 491. Л. 234 об. – 235.

³ Там же. Л. 235 об.

⁴ Там же. 1833–1837. Д. 492. Л. 166 об. – 167.

снисхождение державы, которую осмеливаются почитать в невежестве своем бессильной, ибо в понятиях их нет слова, выражающего кротость, снисхождение, долготерпение»¹.

В августе 1836 г. последовало высочайшее повеление о задержании всех хивинских купцов с товарами на Оренбургской и Сибирской линиях, а также в Астрахани. При этом местному начальству было предписано «...вообще не позволять никаких в отношении к ним лишних строгостей, а только ограничиться мерами предосторожности, чтобы никак не могли бежать или укрыться, но впрочем, буде признается неизбежным, то в полной мере разрешить содержать их под караулом в тюремном замке»².

Прошло не так уж много времени, и хивинские торговцы нашли оригинальный способ избегания российского давления. В самом начале 1838 г. в Азиатском комитете были заслушаны записка вице-канцлера и отношение оренбургского военного губернатора В.А. Перовского о том, что задержанный в Астрахани хивинский купец Ибрагимов принял российское подданство и, соответственно, свободу. Но этого мало. И он обратился к начальству с ходатайством о возврате его арестованного имущества. Принимая во внимание, что освобождение Ибрагимова и его товаров неминуемо вызовут нежелательную реакцию среди других задержанных хивинцев, комитет постановил вернуть российскому подданному Ибрагимову его товары. А другим хивинским подданным, впредь до урегулирования отношений с их правительством, запретить переход в российское подданство и возврат имущества как нарушающие принципы текущей государственной политики. Это мнение было высочайше утверждено 8 марта 1838 г.³ А в 13 декабря того же года Николай I утвердил решение Азиатского комитета, которым запрещалась свободная мена и продажа товаров задержанных хивинцев на том основании, что эта мера свела бы на нет саму суть задуманной репрессии и породила в Хиве вредоносные толки⁴.

19 ноября 1835 г. император утвердил еще один журнал Азиатского комитета от 26 октября 1835 г., в котором были зафиксированы результаты обсуждения еще одного вопроса, имевшего принципиальное значение – о принятии в российское подданство туркмен. Было заслушано отношение министра внутренних дел от 28 сентября того же года, в котором сообщалось о желании туркмен кулдайского, ждывдырского и арсарского родов (5,5 тыс. кибиток), кочующих у залива Александр-Бай за Меловым бугром, перейти в российское подданство и дать соответствующих аманатов. В другом отношении, на этот раз оренбургского военного губернатора, говорилось о просьбе туркмен поколений Игдыр и Бурунчук получить покровительство Российской империи. Поэтому генерал-адъютант В.А. Перовский выступил с инициативой учредить в Степи должность четвертого султана (усть-уртского) для управления как казаками адаевского рода, так и туркменами, кочующими на Усть-Урте вплоть до Мангышлака. Судя по всему, у него не было сомнений, что правительство благосклонно отнесется к туркменской просьбе.

В феврале 1836 г. Азиатский комитет рассмотрел отзыв В.А. Перовского о возможности учреждения должности султана-правителя в Усть-Урте для управления кочующими там туркменами и казаками-адаевцами⁵. При этом комитет, судя по всему памятуя о казахах, не желал провозглашения формального подданства туркмен, которые лишь получают право требовать от империи защиты и покровительства против соседей. Он был убежден, что задача правительства состоит в том, чтобы «...извлечь из сего подданства какую-либо положительную пользу. Польза эта двоякая: во-первых, чтоб присоединение к России сих племен послужило действительным средством к прекращению существующих по сие время разбоев и хищничеств по Каспийскому морю,

¹ АВПРИ. Оп. 781. Д. 87. Л. 205–207 а.

² Там же. 1838–1849. Д. 493 а. Л. 72–79.

³ Там же. Л. 6–9.

⁴ Там же. Л. 91–92 об.

⁵ Там же. 1833–1837. Д. 492. Л. 199 об. – 201.

а затем составить, буде можно, из сих киргизов и тухмен род оплота против хивинцев, помогая им только порохом, свинцом и отчасти деньгами, но только не людьми». Иными словами, Азиатский комитет, продолжая категорически противиться военным действиям против Хивы, готов был рассмотреть туркменское подданство как инструмент давления на ханство при материальной поддержке империи. Такую поддержку предлагалось оказать и в виде выделения довольно значительной суммы на содержание в новом управлении отряда джигитов из местных жителей для обеспечения его охраны и защиты от возможных хивинских происков. Все эти меры были одобрены Николаем I 4 апреля 1836 г.¹

Вопрос о желании туркмен принять российское подданство был вновь поднят на заседании Азиатского комитета в феврале 1838 г.² По мнению комитета, развитие торговли с туркменами не могло оказать заметного влияния на российскую торговлю в регионе. «А потому комитет полагал: просьбу туркмен йомудского племени о принятии их в подданство России, отклонить, не давая им решительного впрочем отзыва (отказа – *авт.*), и продолжая оказывать расположение к влиятельнейшим из их старейшин, и стараясь поддерживать между ними понятие о величии и могуществе России, а также упрочивать и распространять, по возможности, торговые с ними сношения»³.

Самое большое внимание на заседании 20 февраля 1838 г. было уделено вопросу «О мерах к открытию азиатского торгового пути через Астрабад». Российское правительство видело в Персии не только своего политического, но и торгового партнера на Среднем Востоке. И поэтому стремилось всячески ограничить британское влияние на Тегеран. Обращая внимание на то, что англичанам не удалось добиться учреждения своего консульства в Астрабаде, Азиатский комитет, дабы не вызвать резкого недовольства британцев, признал необходимым действовать чрезвычайно осторожно для того, чтобы превратить остров Ашур-Ада в Астрабадском заливе в центр российско-персидской торговли. С этой целью было принято мнение министра финансов Е.Ф. Канкринна об учреждении частного купеческого товарищества или торгового дома с негласным участием казны, который, следуя указаниям правительства, мог основать поблизости от Ашура склады. Для этого можно было приобрести и Челекен с Огурчинским, найдя применение и доступным там промыслам⁴.

Чрезвычайно важное заседание Азиатского комитета весьма четко обнажает направления российской региональной политики второй четверти XIX в.⁵ С одной стороны, имперское правительство в это время чрезвычайно осторожно относилось к расширению своих пределов на восток. И это объясняется не только опасением роста антироссийских настроений в Европе, но и нежеланием нести неоправданные расходы. С другой стороны, деятельность Азиатского комитета убеждает в том, что именно торговля рассматривалась российским правительством как инструмент реализации политических целей, а никак не наоборот. В 1838 г. три заседания Азиатского комитета были полностью посвящены созданию товарищества для азиатской торговли, что лишний раз убеждает в важности торговли для реализации внешнеполитических замыслов Петербурга на Востоке.

Вопрос о мореплавании на Каспийском море был актуальным не только в контексте освоения его восточного побережья. Главноуправляющий гражданской частью и пограничными делами на Кавказе генерал-адъютант Г.В. Розен докладывал правительству о курсировании по морю вооруженных персидских судов, что противоречило статьям Туркманчайского мирного договора (1828 г.). Не желая обострять

¹ АВПРИ. Оп. 781. 1833–1837. Д. 492. Л. 201–203.

² Там же. 1838–1849. Д. 493 а. Л. 47 об.

³ Там же. Л. 49–49 об.

⁴ Там же. Л. 51–54 об.

⁵ Там же. Л. 46.

отношения с соседом, и понимая необходимость охраны товаров в беспокойной акватории, Азиатский комитет 21 октября 1837 г. постановил не считать вооруженные двумя орудиями купеческие суда военными. При этом суда, имевшие более серьезное вооружение, подлежали сопровождению в российские порты для ожидания решения их судьбы Морским министерством по согласованию с МИД¹.

Решение вопроса о создании товарищества затянулось на много лет. Азиатский комитет вернулся к нему в 1845 г. Оставаясь твердо в убеждении, что это предприятие может функционировать лишь при участии и поддержке государства, а также имея в виду препятствия российской торговле, оказываемые со стороны персидского правительства, комитет подчеркнул необходимость того, «...чтобы, с одной стороны, правительство, имея негласное участие в делах торгового дома, оказывало ему надлежащее покровительство чрез посредство миссии и консульства наших в Персии, а с другой стороны, чтобы торговый дом действовал в предприятии своем с постоянством, с добросовестностью и наипаче с благоразумной осторожностью...»².

На заседании комитета 28 февраля 1845 г. был представлен проект устава торгового дома³, учредителями которого стали купцы первой гильдии Николай Ремезов, второй гильдии Иван Баранов и Ефим Елизаров. Каждому из них надлежало внести в капитал общества по паю в размере 15 тыс. руб. Рассмотрев заключения вице-канцлера К.В. Нессельроде и управляющего Министерством финансов В.П. Воронченко по этому вопросу, Азиатский комитет пришел к следующим заключениям: утвердить проект устава общества, воздержавшись от его публикации; предоставить ему 10-летнюю льготу на повинности по первой гильдии; после внесения паев учредителями отпустить торговому дому 15 тыс. руб. серебром из Государственного казначейства наличными и металлов из казенных заводов на 45 тыс. руб.; на эти 60 тыс. руб. выдать на имя Департамента мануфактур и внутренней торговли 4 пая с предоставлением казне права коммерческого участия в делах общества; для оказания покровительства предприятию негласно учредить в Астрабаде консульство в составе консула и драгомана (он же секретарь)⁴, поручив консулу осуществлять свои функции во время периодических командировок в Астрабад под видом чиновника российской миссии в Тегеране; потребовать от всех служащих товарищества четкого исполнения наставлений миссии и консульства, а также соблюдения строгой добросовестности и благоразумной осмотрительности⁵. Все внесенные Азиатским комитетом предложения были утверждены императором 11 марта 1845 г.

Рассмотренные материалы свидетельствуют о том, что вскоре по окончании Отечественной войны 1812 г. российские политические и экономические интересы обратились на Восток и, в первую очередь, к юго-восточному побережью Каспийского моря и Хиве, контакты с которой целое столетие были заморожены. Вопросы безопасности, торговли и утверждения геополитического влияния в этой части Центральной Азии постоянно ставились и решались особым надведомственным органом власти – Азиатским комитетом.

Источники и литература

1. Архив внешней политики Российской империи. Ф. 161. СПб Гл. арх. I-1. Оп. 781. Д. 87, 488, 489, 491, 492, 493 а.

2. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. СПб.: Тип. II Отделения Собственной е. и. в. канцелярии, 1830. Т. 2. 1 561 с.: ил.

¹ АВПРИ. Оп. 781. 1833–1837. Д. 492. Л. 267–268.

² Там же. 1838–1849. Д. 493 а. Л. 142 об. – 143.

³ Там же. Л. 169–170 об.

⁴ Там же. Л. 171.

⁵ Там же. Л. 143 об. – 145.